

СУРОВЫЙ ПОЗЫВНОЙ ВРЕМЕНИ

Прошло уже много лет, а я все не могу забыть ту встречу в горах, в аварском ауле Урода, которому, говорят, чуть ли не тысяча лет. Все казалось сказочным сном или, может быть, невиданно талантливой театральной феерией: и вырастающие одна из другой сакли тесаного камня, упрямо карабкающиеся вверх по склону или вдруг своевольно срastaющиеся друг с другом прямо над узким лабиринтом улочки, превращая ее в тоннель. И кампания стройных тополей, прислушивающихся к мерным назиданиям горной речушки, такой же древней, как аул. И молчаливое состязание Мудрости и Времени в лице старых горцев, застывших на отполированных веками камнях годекана.

И вдруг я увидела Это. Небольшая стена у обочины дороги. Может быть, даже не стена, а нечто вроде стенда из камня. И много-много человеческих лиц, смотрящих на меня в упор, потому что тогда, лет тридцать назад, когда заехал в аул Урода редкий гость — фотограф, он требовал от них, не моргая, смотреть в объектив, и того же требовали его коллеги в маленьком тыловом городке, где формировалась, отдыхала часть уродинцев, и фронтовые корреспонденты, нашедшие своего героя в окопе прямо после очередной атаки.

И вот все они, не вернувшиеся с войны, оплаканные, но не забытые матерями, что превратились в согбенных старух, и невестами, которые сами стали матерями, смотрят сегодня на меня чуточку напряженно, словно желая спросить: «Ну, как там наша земля, Родина? Все ли у вас хорошо, люди?»

И нет больше сказки. Есть жизнь, за которую заплачено великой ценой

других жизней. И цена эта с каждым годом все возрастает вопреки времени. Потому что прибавляется на свете людей, которые никогда не родились бы, если бы не было нашей победы. Потому что похозяйски шагает по Луне луноход, строятся новые города и больше на свете сложностей, открытий, побед, счастья, поисков — всего того, что не успели узнать они, щедро оставив нам в наследство, право на жизнь.

Забыть об этом — значит предать их. Но и помнить можно по-разному. Этот нехитрый памятник с, может быть, единственными, а потому бесценными фотографиями для людей дороже тяжелых и безликих обелисков, хотя те поставлены на земле тоже с благородной целью отдать дань поколению, добывшему нам мир и счастье.

Я вспомнила об этом вновь, читая стихи о войне. В поэзии, как в жизни... Двадцать шесть лет минуло со дня нашей великой Победы, но тема войны не перестает волновать наших поэтов, по-прежнему влечет их своей непостижимой глубиной. Писать о войне становится все труднее. Потому что, чем дальше уходит она от нас, тем все более возрастает ответственность поэта перед живыми и мертвыми. Особенно остро ощущают ее те, кому выпало трудное счастье знать войну не понаслышке, а ощутить ее огненное дыхание на себе.

«Полагаю, что война для нашего поколения обозначила шкалу нравственного отсчета, хотим мы этого или не хотим, всегда какие-то сопоставления, какие-то ассоциации, какие-то критерии будут уводить нас к тем временам», — сказал Сергей Наровчатов.

И лететь.

Стихотворение новосибирца Леонида Решетникова «Разговор с сыном», на мой взгляд, образец устремленности поэта к молодому поколению.

К сожалению, эта устремленность не свойственна пока сколько-нибудь определенно нашим ставропольским поэтам, имеющим на нее право возраста и жизненного опыта.

Казалось бы, кому, как не Владимиру Гнеушеву тема преемственности поколений должна быть особенно близка. Он при-частен к суровому братству боевых моряков, его мужественные и светлые стихи о войне, море, о чувствах настоящих и больших заслуженно любимы читателями разного возраста.

Припоминаются слова Роберта Рождественского, сказавшего о Гнеушеве, что он, тем не менее, поэт молодой, так как «его молодость в постоянном каждодневном интересе к жизни во всех ее проявлениях. Молодость поэта в том, чтобы бесконечно любить людей, знать их мысли, жить их мечтами и взволнованностью, их добротой и суровостью, их улыбками и ненавистью».

При всем при том в поэтических сборниках В. Гнеушева последних лет необоснованно приглушен голос бойца, обращенный к своему молодому современнику. Внутренняя молодость поэта, его современность похвальны, но они не освобождают его от долга говорить с молодым поколением, тем более, что сказать есть что.

Пока же, отдавая должное военной теме в таких стихах, как «Баллада о танке», «Не забывайте», «Рядовой» и других, поэт не поднимается выше описательности и заурядной риторики.

Конечно, вступить в открытый прямой диалог с юным современником — сыном ничему не удивляющегося «нейлонового века» не так уж просто. Не оттого, что сердце его менее чутко реагирует на добро или зло. Просто

величие человеческих деяний превзошло яркость самых звучных поэтических фраз.

И чтобы слова не ветшали, как платье, поэт обязан, говоря по-блоковски, пропустить их «сквозь жар души, сквозь хлад ума».

Отсутствие одного из этих слагаемых обедняет самое благое намерение, приводит все к той же поэтически выдержанной, но — увы! — маловпечатляющей описательности.

Иван Кашпуров — поэт на Ставрополье известный, и опыта ему не занимать. Его верность мелодике русского песенного стиха не раз вознаграждала его творческими удачами, особенно в стихах о родном крае, о людях земли. Но с течением времени поэт, не сопротивляясь, поплыл по волнам уважаемой формы, считая, видимо, что она хороша на все случаи жизни. И вот вам результат.

Над рейхстагом теплою зарницею —

знамя. Тает дым пороховой.

На последней огневой позиции пал боец — к ступеням головой.

В теплый вечер огненными кронами

подожгли салюты небосклон.

И пришел с последней похоронною

в хутор Светлый старый почтальон.

С той поры и слепнут окна низкие

в хате белой, глядя в синь полей,

и стоят живыми обелисками пять пирамидальных тополей.

К ним выходит мать — старушка древняя

и, печально помолясь буграм, как с сынами взрослыми, с деревьями

говорит о чем-то по утрам.

А вдали, над лысой Недреманною,

облаков алеют паруса, и бегут машины за туманами,

словно улетают в небеса.

Жизнь подарила поэту прекрасный сюжет — пять тополей, посаженных матерью в честь сыновей, погибших на фронте. Какой великолепный повод для самых глубоких философских размышлений о безымянном подвиге и преемственности жизни. А перед нами лишь эскиз стиха, эскиз многословный, отягощенный ненужными и спорными деталями: «к ступеням головой», «печально помолясь буграм» (?!), «говорит о чем-то по утрам» (!) — и совершенно убитый последней строфой с ее «альми парусами облаков» и машинами, которые бегут за туманами, «словно улетают в небеса».

Нет, нет! Никакое мастерство, никакой «холодный ум», если они не оживлены «душевым жаром», высоким стремлением поэта сказать неповторимое слово о взволновавшем его событии и явлении, не могут гарантировать успеха. У Кашпурова же есть стихотворение «У памятника вечной славы». Тема явно не нова. Наверное, нет такого поэта, который бы не коснулся ее в своих стихах. Но здесь поэт по-настоящему взволновался, испытал чувство счастливого озарения и мы, только что разделившие вместе с Вениамином Ащеуловым горькую остроту воспоминания о погибших героях и желание быть достойными их подвига, теперь взволнованно и благодарно присоединяемся к Ивану Кашпурову, к его собственному оптимистическому осмыслению нашего долга перед ушедшими.

А тем, кто похоронен был у Нарвы, кому Сиваш могилой стал соленой, кто вмерз в ледник, сползающий с Маруха, кто стал землей сырой под Маглобеком,— им, в сущности, не надо нашей скорби и поклонений наших им не надо. Все это надо нам, живущим ныне, чтоб чище быть, честней и человечней. Венки живых цветов, что

принесли мы к подножью монумента вечной славы, Увянут скоро. Не увянет память. Останется любовь. И вечно будут здесь продолжаться светлые свиданья, как будет вечно продолжаться жизнь, оплаченная тысячами жизней.

И словно бы продолжая эти высокие размышления об истинном долге живых и перед мертвыми, и перед живыми, Александр Екимцев ведет свой бесхитростный, как сама правда, рассказ о бойце-стрелке, что нес по фронтовым дорогам в своем вещмешке горсть пшеницы.

Он падал с ней не раз в пути,
С ней вместе
В землю падал он.
И ей хотелось прорасти,
Да только он откладывал.
Он говорил ей:

«Подожди,
Мы степь с тобой обрадуем...»
...Но не сбылась мечта стрелка.
В рассветный час
Под Кричевом
Из списков храброго полка
Осколком был он вычеркнут.
Наш долг,
Как шар земной, велик
Пред павшими и пашнями.
Он мне велит,
тебе велит»

Велит он сердцу каждому.
Велит трудиться и за тех,
Кто за ветлюю дальнею
Упал в бою
на первый снег,
На первую проталину.

Вот она, наконец, попытка, и довольно успешная, того прямого и взволнованного диалога с современником, который так хотелось услышать. Слово, которое западает в душу, как зернышко той пшеницы, что хотел вырастить солдат на родной земле.

...Достроить, то, что не достроили отцы, сжать тот хлеб, что мечтали посеять они, долюбить и допеть за них — к этому зовут нас лучшие из стихов

